

Парк как идея / The park as an idea

текст

Андрей БоковНаучно-исследовательский
институт теории и истории
архитектуры и
градостроительства

text

Andrey BokovResearch Institute of
Theory and History of
Architecture and Urban
Planning

Парк любопытен не только как таковой, как объект, создаваемый людьми, но и как идея, концепция или модель. Рискну предположить, что идея парка, некий «протопарк», но не сам парк, каким мы привыкли его видеть, родились вслед за рождением города и дома, причем одновременно как их продолжение, сопровождение, часть и как некая противоположность, альтернатива. И эта амбивалентность самой природы парка отчетливо ощущается по сей день.

Следует оговориться, что за понятием «парка как идеи» скрывается то, что описывается словами «сад», «лесопарк», «лес», «зона отдыха», «особо охраняемая природная территория» и т. д. За всеми этими терминами, по сути, стоит разная степень вмешательства человека в создание и жизнь парка.

Идея парка не тождественна и, скорее, противостоит идеям экоактивистов, экофанатиков и экоэкстремистов. Последним интересы природы ближе интересов людей и культуры, и парк в их представлениях может казаться проявлением насилия над природой. Парки создаются людьми в диалоге с природой, но в своих интересах. Идеалом экологов была и остается природа без вмешательства человека, защищаемая и охраняемая от его воздействия. И если некий «экогород» неожиданно оказывается компромиссом между природой и культурой, то нет оснований не считать его еще одной версией города-сада или города-парка.

Город-парк – практически готовый ответ на те требования и призывы, что содержатся в принципах «устойчивого развития». По крайней мере, именно город-парк, его образ первым возникает в сознании каждого, кто знакомится с этими принципами.

Парк такой же продукт урбанизации, как и город, сплошь занятый домами и улицами, но, в отличие от города, часто нелюбимого и награждаемого нелестными эпитетами, ощущается несомненной ценностью. Его неухоженность всякий раз вызывает досаду и сочувствие, сходные с тем, что остается от испорченного праздника. Одна из главных причин этой реакции в том, что парк воспринимается едва ли не живым существом или обителью неких особых таинственных и подвижных сил, поселившихся на земле задолго до появления городов и домов.

Парк, как бы скромен и мал он ни был в отличие от отдельного дома, даже созданный руками, остается не вполн-

Парк рассматривается как результат диалога человека с природой, такой же продукт урбанизации, как и город. Его природа амбивалентна и по отношению к городу, и в отношении стихии, что делает его инструментом коммуникации природы и культуры, средством их примирения. В настоящее время городские культуры и образ жизни уходят в город-парк, сабербию, и идея города-сада становится доминантной идеей градостроительной практики. Мегасооружение и город-сад создают сбалансированную систему, которая является образцом архитектуры будущего.

Ключевые слова: парк; город; сад; природа; урбанизация; культура; концепция.

не рукотворным. Его деревья, цветы и водоемы – агенты огромного, другого бесконечного и безграничного мира, продолжающегося за границами дома и города. Именно поэтому лучшие из парков, в отличие от дискретных, разделенных на фиксированные части городов и домов, стараются казаться бесконечными и непрерывными. Парк стремится быть свободным в отличие от города, основанного на регламентах и границах.

В то же время парки обычно избавлены от приписываемых дремучим девственным лесам злонамеренностям; последние чаще обнаруживаются в «каменных джунглях», где нет растительности. Инциденты в парках представляются не менее предосудительными, чем недостойное поведение в храмоподобном московском метро.

Парк амбивалентен не только по отношению к городу, но и в отношении природы или стихии. Он является и их продолжением, и их противоположностью. Эта двойственность, по сути, превращает парк в коммуникацию природы и культуры, в инструмент, в средство примирения, связанные и баланса. Иными словами, парк есть нечто большее, чем участок земли с деревьями, кустарником и травой.

Амбивалентность парков корреспондирует с двумя противоположными видами их пространственной организации. Одни парки, регулярные или «французские», повторяют геометрию городов и домов. Другие – «английские», парки Китая и Японии – пластически резко отличаются от окружающих строений.

Особая сущность парка, его аксиология подчеркивается тем, что он не встраивается в ряд безусловно полезных и необходимых институтов или объектов вроде заводов, школ, больниц и клубов. Попытки уподобить парк учреждению отдыха или предприятию по производству дефицитного кислорода не очень убедительны. Парк скорее из категории предметов «излишних, но почему-то более ценных, чем необходимые».

Особого толкования требует кажущаяся близость, кажущееся родство парка и деревни. Парк, вне сомнения, порожден не столько культурой строительства, воспитанной городом, сколько культурой земледелия и землепользования, носителями которой являются крестьяне-земледельцы, как правило, не владевшие землей, и землевладельцы, земельные аристократы. Тем и другим

The park is viewed as the result of a dialogue between man and nature and as a product of urbanization, like the city. Its nature is ambivalent both in relation to the city and in relation to the natural elements, which makes it a tool for communication between nature and culture and a means of reconciliation between them. Currently, urban culture and lifestyle are shifting towards the city park, suburbia, and the idea of the garden city is becoming dominant in urban planning practice. The megastructure and the garden city create a balanced system that serves as a model for future architecture.

Keywords: park; city; garden; nature; urbanization; culture; concept.

земля возделанная, земля с растениями ближе и понятнее, чем земля с домами. Однако крестьянское отношение, скорее, практическое и утилитарное, несколько отлично от отношения аристократа, ощущающего себя служителем особого культа Земли с обязательными дарами, жертвами и ритуалами, постепенно утрачивающими прикладной смысл. Проявлением, следом и следствием этого культа становится парк как собрание не столько полезных, сколько жертвенных, декоративных растений, украшающих и радующих их мать-землю. Возложения цветов и венков, поныне живой и популярный ритуал, – прямое продолжение этой архаической традиции.

Первые заметные, видимые следы этого культа и этой культуры обнаруживаются и в замках, резиденциях аристократии, и в городах, куда эта аристократия вскоре перебирается и заражает своей страстью людей, далеких от земледелия. Фонтаны, водоемы, деревья и цветники, а за ними и знакомые, и экзотические животные появляются во внутренних дворах, на площадях, на балконах и в лоджиях средневекового европейского города, в городских домах и усадьбах традиционных городов Северной Африки, Японии, Китая. Сочетание источника, деревьев и цветов становится вторым по значению после алтаря компонентом дома, замка, храма, напоминающим о пантеистическом прошлом догородских земледельческих сообществ.

Яркий и зримый расцвет паркового строительства наступает с появлением регулярных городов, с наступлением классического периода цивилизаций, в частности, европейской и китайской. Созданный за пределами столицы Версаль становится примером или образцом, под влиянием которого столица приобретает типично парковые атрибуты – бульвары, набережные и открытые пространства с газонами и рядами растений.

Парк из предмета роскоши, пребывающего в частном пользовании, становится открыто предъявленным атрибутом власти, в том числе безграничной власти над природой. Таков был ответ города на столетия изоляции от природного окружения, замкнутости, сдавленности и страха.

Классический парковый ансамбль, вроде того же Версаля, виллы д'Эсте или Петергофа, превращается в огромное сооружение, превосходящее по сложности

и цене многое из того, что параллельно делается в целях практических.

Конец XIX – начало XX века – время рождения современного города и нового наполнения идеи парка. Парк больше не является сопровождением, продолжением дворца. Центральный парк Нью-Йорка оказывается главным объектом города, геометрическим, смысловым и эмоциональным его центром. И нет ничего удивительного в том, что у границ Центрального парка вскоре обнаруживается второй предвестник, зародыш или ген современного города в виде плотного скопления все более высоких домов самого разного назначения.

У современного города два лица, два полюса, рожденные великими интеллектуальными и техническими достижениями. На одном полюсе сосредоточены те, кого именуют «урбанистами». Это многочисленные сторонники и поклонники сверхплотного города, города как единого трехмерного мегаоружия, явленного во множестве версий, принадлежащих самым разным людям от романтиков вроде Эль Лисицкого и Сант-Элиа до pragmatischeskikh создателей гигантского комплекса вокруг нью-йоркского Grand Central.

Возникновение другого полюса, расположенного на противоположном конце, обычно связывают с именем Говарда, создавшего убедительную и внятную концепцию города-сада, который правильнее было бы назвать городом-парком. Вопреки распространенному мнению, главным отличием города-сада является неиндивидуальный семейный дом; таковые присутствовали и в ужасных рабочих районах промышленных городов, и в увядающих деревнях. Главным героем легенды Говарда был сад или парк, в пространстве которого под сенью деревьев прятались дома.

Город-сад кажется и оксюмороном, объединяющим противоположные сущности, и естественным, прямым ответом на сложившийся запрос, на желание объединить в одном решении нечто безусловно привлекательное и ранее казавшееся навсегда разделенным.

У города-сада были прообразы и предшественники в лице летних дач, загородных резиденций и курортов, и было множество последующих производных, версий и интерпретаций, так или иначе сохранявших и декларирующих принцип жизни в парке и жилья в окружении

зелени. Все известные версии и интерпретации города-сада, предложенные в прошлом столетии и дожившие до наших дней, можно поделить на две группы. В одном случае предлагается жизнь в собственном доме, в другом – в многоквартирном.

Относительно адекватными базовой идеи города-сада можно считать следующие три версии с использованием многоквартирных домов. Это послевоенный «сталинский» укрупненный квартал с периметральной застройкой вокруг обширного благоустроенного двора-парка (впоследствии, как правило, убитого точечной застройкой). Самый известный пример подобного квартала в европейской практике – Карл-Маркс-Хоф в Вене. Во-вторых, это опыты Корбюзье и его последователей по созданию огромных автономных «жилых единиц» вроде Марсельского блока, оторванного от земли, парящего над окружающим парком, освещенного солнцем и омытого потоками свежего воздуха.

Связь с идеей города-сада сохраняет и третья версия. Это пятиэтажные микрорайоны со «свободной планировкой», возникшие в самом начале эпохи массового индустриального строительства в СССР, вроде знаменитого 9-го квартала в Новых Черёмушках или микрорайонов Зеленограда, само название которого свидетельствовало о замечательном родстве. Собственно, идеальный советский микрорайон со свободно стоящими домами и внутренними пешеходными связями был самым массовым родственником города-сада.

Забвение идеи, отступление от принципов города-сада, нарушение баланса между домом и парком в пользу домов в позднем СССР оказалось неизбежным. Город-сад явно не вписывался в систему принципов советского стройкомплекса и его преемника – российского застройщика. Но, умерев под ударами бизнеса, господствующего на канонических городских территориях, эта идея неожиданно возродилась и стала актуальной там, где не водятся многоквартирные «человейники», а именно в зоне ИЖС.

Первые американские одноэтажные пригороды, первые версии американской субурбии были обязаны своим появлением не столько Эбенизеру Говарду, сколько Вильяму Левиту. Первые Левиттауны не очень похожи на города-сады, однако именно им было суждено из полей, сплошь застроенных деревянными домиками, постепенно превратиться в огромные парки с вкраплениями домов. Чем меньше районы многоэтажной застройки напоминали город-сад, тем ближе к городу-саду двигались пригороды, занимаемые ИЖС. И решающую роль в этой трансформации пригородов, в успехе субурбии сначала в США, затем в мире, включая РФ, сыграл массовый, доступный автомобиль. Форд сделал для утверждения города-парка то же самое, что Отис для Сити и Даун-таунов.

Мы являемся свидетелями парадоксального явления, удивительной смысловой инверсии содержательного превращения: городская культура, городской образ жизни уходят в пригород, в город-парк, в субурбию, тогда как многоэтажные «человейники» (не путать с Сити, Даун-таунами с деловыми и административными центрами) становятся «новой деревней», очагами архакии и пространством замкнутых, изолированных сообществ или асоциальных одинокочек.

Спустя столетие после рождения идеи города-сада и идеи города-мегаоружения, после появления и исчезновения советских урбанистов и дезурбанистов новые поколения урбанистов и дезурбанистов, сторонники городов-миллионников и энтузиасты малых населенных мест или распределенной системы расселения продолжают выяснять отношения, не замечая, что жизнь и постоянно формирующаяся нормальность, по сути, решили этот спор. Мегаоружение и город-сад успешно занимают каждый свое место в общей, единой и непрерывной системе.

Ярким, но фантастичным манифестом единства противоположностей, мегаоружения и города-сада,

стал Бродакр-Сити Райта, состоящий из километрового небоскреба, окруженного бесконечной субурбией, парком с индивидуальными семейными домами, похожими на те, что принесли архитектору заслуженную известность.

Принадлежность к некой общей целостности и несомненная поляризованность двух компонентов современного города сопровождается их конвергенцией, взаимопроникновением и взаимообменом. В итоге субурбия приобретает узлы, полюса и коридоры активности, наполненные множеством учреждений торговли и обслуживания, индустриальные зоны, госпитали и учебные учреждения, а Сити, Центральные Деловые Районы, отдельные здания и сооружения вбирают, интегрируют парки и компоненты парков.

Идея города-сада, города-парка по настоящее время остается доминантной, самой популярной и вдохновляющей, ведущей, базовой идеей градостроительной практики. Именно она определила судьбу, возможно, не самой впечатляющей и заметной, но зато самой массовой и повседневной составляющей современного культурного ландшафта и системы расселения в целом.

Идея парка и его компоненты глубоко проникли в ткань культурного пространства на всех уровнях. Исторически и логически, последовательно и упорно парк становится принадлежностью и сущностью жилища, города, страны и континента.

К традиционному и привычному двору и палисаднику сегодня добавляются зеленые кровли, зеленые стены, озелененные атриумы и пассажи.

Почти все без исключения новые города, возникшие или задуманные в XX веке – от линейного Магнитогорска Леонида до послевоенных городов-спутников – оказываются городами-парками. Генпланы новых столиц от Канберры и Чандигарха до Астаны, по сути, предполагают создание города-парка. Предложение Аберкромби для Лондона и едва ли не лучший генплан Москвы, сделанный в 1973 году, настаивают на превращении этих городов в парки, где зеленые пояса, коридоры и клинья занимают больше площади, чем дома и дороги.

Современный мир стоит на пороге создания глобальных парков, «геопарков». Антарктида или Русская Арктика, она же Русский Север, африканские пустыни и азиатские нагорья могут превратиться в открытые для посещения экопарки, одновременно представляющие собой хранилища ископаемых ресурсов, энергоресурсов, воды и воздуха. Парками культуры сегодня готовы стать целые страны или регионы вроде Черногории, Тосканы и Каталонии; парками отдыха становятся средиземноморские и черноморские регионы, Флорида, Хайнань, Бали и им подобные.

Идея парка последовательно и уверенно расширяет и укрепляет свое присутствие в современном профессиональном сознании. «Паркоцентричный», «ландшафтный» подход, ощущение города и дома ландшафтами и парками, продолжением некой непрерывной естественной ткани, по сути, развивает, уточняет родившийся более полувека назад средовой подход. Парк становится если не ответом на самые разные вызовы и задачи, то явлением явно одобряемым, предметом повышенного внимания и элиты, и общества.

Неожиданно для многих огромные сады и плантации, виноградники с винодельнями превращаются в сезонные парки, где свободный сбор фруктов, овощей и ягод сопровождается концертами и трапезами. Интерес к парку Зарядье, нью-йоркским Хай-лайну и Лоу-лайну, к их предшественникам вроде парка Ла Вилетт в Париже все чаще оказывается устойчивее и выше интереса даже к тем домам, которым отводится роль знаков и символов. Не замечать подобное, оставлять это без внимания – значит игнорировать одно из немногих предлагаемых нам сегодня указаний на то, какой может и должна быть архитектура будущего.